

явился в ряде сельских районов и приобрел ярко выраженный социальный характер, поразив наименее социально защищенные группы населения. В целом для населения области, как городского, так и сельского, он имел латентную форму. На фоне тяжелой эпидемической обстановки это привело к росту заболеваемости и смертности. Голод был преодолен к середине 1947 г., хотя проблемы со снабжением населения продуктами питания оставались. Тем не менее, показатели смертности вследствие инертности демографических процессов достигли докризисного уровня только к 1949 г. При этом произошло резкое увеличение смертности среди детей, смертность «помолодела». После преодоления кризиса наступил период стабилизации демографических процессов, характеризующийся постепенным снижением показателей смертности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков И.М. Колхозная деревня в первый послевоенный год // Вопросы истории. 1966. № 1.
2. История советского крестьянства. М., 1988. Т. 4: Крестьянство в годы упрочнения и развития социалистического общества. 1945 – конец 1950-х годов.

3. Волков И.М. Деревня СССР в 1945–1953 годах в новейших исследованиях историков (конец 1980-х – 1990-е годы) // Отеч. история. 2000. № 6.
4. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.
5. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.
6. Попов В.П. Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // СОЦИС. 1994. № 10.
7. Исупов В.А. «Черное пятно» в истории Сибири // Изв. Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия истории, философии и филологии. Новосибирск, 1990. Вып. 1.
8. Бурматов А.А. Голод в Новосибирской области (1946–1948 гг.) // Моя Сибирь: Вопросы региональной истории и исторического образования : сб. науч. тр. Новосибирск, 2002.
9. Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 3: Налогово-податное обложение деревни. 1946–1952 гг.
10. Ильиных В.А. Хлебозаготовительная кампания 1946 г. в Новосибирской области // Иркутский историко-экономический ежегодник 2013. Иркутск, 2013.
11. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945–1953 : сб. док. М., 2002.
12. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992.

Статья поступила
в редакцию 25.08.2013

УДК 94(47).084.8/084.9

С.Н. АНДРЕЕНКОВ

ПРИЧИНЫ И АЛЬТЕРНАТИВЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ МАШИННО-ТРАКТОРНЫХ СТАНЦИЙ 1958 г.

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск,
E-mail: andreennkov_sn@mail.ru

В статье анализируются важные проблемы аграрно-хозяйственной истории СССР 1950-х гг., связанные с разработкой и осуществлением государственных мер по повышению уровня механизации сельскохозяйственного производства. Автор проанализировал меры правительства по развитию МТС, проекты их реформирования в середине 1950-х гг. и попытался определить мотивы ликвидации станций в конце 1950-х гг. В статье отражены основные мнения исследователей о причинах реформы МТС и впервые в историографии освещается ее альтернативный вариант, отклоненный, с нашей точки зрения, по политическим соображениям.

Ключевые слова: машинно-тракторные станции, колхозы, реорганизация МТС, аграрная политика, Н.С. Хрущев, сельское хозяйство.

Целесообразность изучения темы обуславливается традиционно активным интересом исследователей к истории аграрных преобразований 1953–1964 гг. Важным их аспектом являлся демонтаж системообразующих структур сталинского аграрного строя, в число которых входили машинно-тракторные станции (МТС). Эти государственные предприятия создавались в годы сплошной коллективизации для проведения с помощью принадлежавших им машин и тракторных

бригад механизированных работ в колхозах. Сельхозартели, обладавшие только простым конно-ручным инвентарем, дорого платили за услуги станций и не имели права отказаться от них. Функции МТС на практике оказались намного шире – на них был возложен контроль над производством, учетом трудовых затрат, распределением доходов, соблюдением агротехники. В 1933–1934 и 1941–1943 гг. при станциях функционировали политотделы. Работники МТС, по сравнению с

колхозниками, имели более высокий социальный статус, что, в частности, выражалось в гарантированной государством оплате их труда.

Принятие февральским (1958 г.) Пленумом ЦК КПСС постановления о реорганизации МТС и передаче их техники и кадров колхозам [1, с. 392–401] обуславливалось убежденностью Н.С. Хрущева в том, что сельхозартели готовы к самостоятельному использованию сложных сельхозмашин и не нуждаются больше в услугах станций, что наличие «двух хозяев» на одной земле не позволяет эффективно хозяйствовать и становится нетерпимым. Реформа была проведена в сжатые сроки. Выкуп техники МТС не стал для колхозов добровольной акцией, как планировалось, а превратился в обязательную скоротечную операцию, вогнавшую их в долги. Сельхозартели так и не смогли должным образом распорядиться полученными от МТС резервами, значительная их часть была потеряна. Уже в 1961 г. была создана государственная структура «Союзсельхозтехника», на которую была возложена ответственность за производственно-техническое обслуживание хозяйств, их интенсификацию.

В историографии не существует единой точки зрения на причины ликвидации МТС. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. авторы, как правило, опираясь на партийно-правительственные решения, доказывали объективную необходимость проведения этой реформы (см., напр.: [2; 3]). Со второй половины 1960-х и до конца 1980-х гг. многие исследователи, также придерживаясь мнения властей, давали ей критические оценки. М.А. Вылцан, например, отмечал: «... путь совершенствования системы “колхозы – МТС” был бы, вероятно, более эффективным, чем ликвидация самой системы с имевшими место издержками» [4, с. 238]. С конца 1980-х гг. реорганизация МТС в основном стала рассматриваться как позитивное и необходимое мероприятие, благодаря которому был ликвидирован важный механизм тоталитарного государства. При этом внимание акцентировалось на том, что реформа не дала ожидаемого эффекта из-за ошибок при ее проведении (см., напр.: [5; 6]). В настоящее время появляются работы, в которых целесообразность ликвидации МТС вновь подвергается сомнению. В.Н. Томилин в своей монографии [7] показал, что с позиций логики административно-командной экономики МТС были вполне эффективными предприятиями. Невысокое качество выполняемых ими работ зависело в первую очередь от нехватки и низкой квалификации персонала, а также ограниченного набора техники. Корень этих проблем он видел в экстенсивном типе хозяйствования, особенно усилившемся в период целинной кампании.

Действительно, МТС были структурой нерыночной системы хозяйствования, что определяло специфику их деятельности. Технику, топливо, запчасти, а также средства для премиальных выплат персоналу они получали от государства соразмерно результатам реализации плана тракторных работ, объемы которых исчислялись в условных «гектарах мягкой пахоты». Экономия средств в отчетных документах МТС фиксировалась как прибыль, а их перерасход – как убыток.

Прибыльными в этом смысле оказывались многие станции. За услуги МТС колхозы обязаны были рассчитываться с государством в основном собственной продукцией (натуроплата). До 1954 г. наиболее урожайные хозяйства платили за работы МТС больше остальных. Стоимость всего объема сдаваемой государству натуроплаты, как правило, была меньше суммы его затрат на содержание МТС. В 1930-е – начале 1950-х гг., когда фонд финансирования сельского хозяйства был небольшим, убытки МТС, как и совхозов, компенсировались благодаря экономии средств, которую обеспечивали низкие заготовительные цены на продукцию колхозов. Объемы ее обязательной сдачи по этим расценкам могли наращиваться путем навязывания высокоурожайным хозяйствам сверхплановых поставок.

Вместе с тем руководство страны понимало, что недобор натуроплаты МТС связан с низкой урожайностью колхозной пашни, во многом обусловленной недостатками в работе станций. Главным из них обоснованно считалась незаинтересованность МТС в развитии колхозного производства, что проявлялось, в частности, в их стремлении выполнить план по «мягкой пахоте» за счет проведения наиболее «легких» работ (вспашка, боронование, косовица зерновых и др.). «Сложные» виды работ (посадка и уборка овощей, стогование, силосование и др.) проводились в минимальных масштабах. Поэтому уровень механизации в зерновом производстве колхозов был выше, чем в других отраслях растениеводства и животноводстве. Попытки разрешить указанные проблемы предпринимались неоднократно. Например, в 1947 г. было принято решение, согласно которому план МТС признавался выполненным, если осуществлялся весь объем работ в надлежащем качестве и в установленные сроки. Только при этих условиях руководителям МТС выдавалась премия. Механизаторы при выполнении плана урожайности должны были по гарантийному минимуму получать по 3 кг зерна на трудодень, а в случае невыполнения – по 2 кг [8, с. 411]. Однако добиться желаемого результата так и не удалось.

После смерти И.В. Сталина пришедшие к власти функционеры попытались добиться подъема сельхозпроизводства за счет развития у колхозников материальной заинтересованности в труде на общественных полях и фермах. Для этого были запущены механизмы, обеспечивавшие рост доходности колхозов. 21 августа 1953 г. было принято решение о повышении заготовительных и закупочных цен на животноводческую продукцию. Цены на молоко поднялись соответственно в 2,2 и 1,5 раза, на крупный рогатый скот – в 4,8 и 2,1, на свиней – в 2,9 и 1,6 раза. Заготовительная цена на яйца не изменилась, зато закупочная поднялась в 2,1 раза. Правительство посчитало необходимым увеличить расходы государства на закупку зерновых культур. Госзакуп зерна стал оплачиваться в 9 раз выше [9, с. 120]. В соответствии с постановлением сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС [10, с. 20–61] с 1954 г.

сдача государству продукции в порядке обязательных поставок и натуроплаты МТС стала осуществляться только по твердым ставкам, одинаковым для всех хозяйств одного района и дифференцированным по климатическим зонам. Благодаря этому высокодоходные колхозы должны были избавиться от необходимости выполнения повышенных заготовительных планов и получить возможность реализовывать товарные излишки по более высоким закупочным ценам. С колхозов списывалась задолженность по обязательным поставкам и натуроплате МТС.

На пленуме говорилось о необходимости повышения качества и масштабов деятельности МТС. Они должны были завершить механизацию работ в полеводстве, широко развернуть механизацию трудоемких процессов в животноводстве и в производстве картофеля и овощей. В целях формирования в МТС устойчивого кадрового контингента все сезонные колхозники-механизаторы получали статус штатных рабочих станций. Увеличивался гарантированный минимум оплаты их труда. В МТС планировалось направить большое количество инженерно-технических работников и специалистов сельского хозяйства. В 1954–1957 гг. хозяйствам намечалось поставить не менее 500 тыс. тракторов. В 1954–1956 гг. в МТС должно было развернуться масштабное строительство зданий для ремонта и хранения техники, а также жилых объектов. На эти цели выделялись значительные средства.

После сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК партии на работу в МТС в качестве землеустроителей, агрономов, ветеринаров и зоотехников были направлены тысячи выпускников аграрных вузов и сотрудников сельскохозяйственных органов, в том числе упраздненных районных управлений сельского хозяйства. На эти должности, а также на посты инженеров, механиков, заведующих ремонтными мастерскими в МТС переходили работники промышленных предприятий. Однако многие из них так и не смогли адаптироваться к новым условиям труда. Например, в Новосибирской области с 1 октября 1953 г. по 1 января 1955 г. из общего числа направленных в указанный период специалистов (1 460 чел.) по причине невыполнения должностных обязанностей, в том числе из-за пьянства, были уволены 59 чел. В целом кадры со средним и высшим образованием в МТС долго не задерживались. С 1 октября 1953 г. по 1 августа 1955 г. в МТС Новосибирской области сменились: 61 директор, 94 главных инженера, 43 главных агронома, семь главных зоотехников, шесть главных ветврачей, 91 заведующий ремонтными мастерскими – всего 302 чел., из них 199 – из-за отсутствия профильного образования¹.

С октября 1953 г. по февраль 1956 г. в штаты МТС было зачислено около 2 млн колхозников-механизаторов. В восточных районах СССР с весны 1954 г. контингент рабочих кадров МТС пополнялся за счет граждан, прибывших на освоение целинных и залежных земель. Основную массу целинников составляла моло-

дежь, не имевшая опыта работы в сельском хозяйстве. Целинные хозяйства получили львиную долю сельхозтехники. Только за 1954–1956 гг. им было отгружено более 200 тыс. тракторов (в 15-кратном исчислении), или треть от общих поставок сельскому хозяйству за данное время [11, с. 222]. На целине машинный парк быстро выходил из строя, нехватка тракторов, комбайнов, сельхозмашин была заметной. В старопахотных районах СССР дефицит техники также ощущался, но в основном из-за ее недопоставок.

Увеличение вложений государства в развитие МТС с экономической точки зрения себя не оправдывало. В 1954 г. план сдачи зерна МТС страны выполнили на 71 %, картофеля – на 48, мяса – на 63, денежных средств – на 68 %, в 1955 г. – соответственно на 73, 52, 72 и 70 %². В 1954 г. МТС зоны Урала поставили государству по натуроплате столько же хлеба, сколько в 1940 г., а в 1955 г. – только 79 % от этого уровня. При этом с 1940 по 1955 г. тракторный парк уральских МТС увеличился в 2 раза, объем тракторных работ и затрат на их производство – в 3 раза, размеры основных средств производства – в 5 раз³. Ситуация усугублялась тем, что компенсационные механизмы – низкооплачиваемые обязательные поставки и практика дополнительного обложения высокодоходных колхозов – в полной мере уже не работали.

Проверки деятельности МТС, проводившиеся в 1954–1955 гг., позволили выявить в работе их персонала множество недостатков. С одной стороны, руководителям станций инкриминировались перерасход горючего, запчастей, ремонтных материалов, средств на зарплату управленческих кадров, административно-хозяйственные нужды и командировки, несвоевременное погашение кредиторских и дебиторских задолженностей, невыполнение планов платежей в бюджет по проектным работам и пр. С другой стороны, им ставилось в вину нежелание бороться за увеличение объемов натуроплаты. Зачастую счета за работы МТС вручались колхозам с большим опозданием, в связи с чем последние платили за них продукцией, оставшейся после выполнения плана обязательных поставок и госзакупок. Нередко зачислять в счет натуральной оплаты было попросту нечего. Из-за такой практики колхозная продукция обходилась государству слишком дорого. Систематические недопоставки натуроплаты, безусловно, были обусловлены также уменьшением ее объемов из-за неполного, несвоевременного и некачественного исполнения станциями договорных обязательств перед колхозами. Многие МТС, как и прежде, стремились выполнить план по «мягкой пахоте» за счет осуществления легких и, соответственно, недорогих работ.

Судьба МТС, по сути дела, была решена уже в 1955 г., когда стал разрабатываться план введения для колхозов единых цен, благодаря чему они получали возможность возместить все свои производственные

² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 15. Д. 1235. Л. 39; Д. 1267. Л. 57.

³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 46. Д. 66. Л. 62.

¹ ГАНУ. Ф. Р-1406. Оп. 1. Д. 1996. Л. 3, 3 об., 11.

издержки. Таким образом, сельхозартели стали рассматриваться как приоритетный объект для вложения средств. При этом объемы ассигнований на развитие МТС стали сокращаться. Уже в августе 1955 г. на баланс колхозов стали переводить агрономов и зоотехников МТС [12, с. 182–187]. В августе 1956 г. правительство приняло решение о сокращении бюджетных расходов на зарплату механизаторам станций. Оплата их труда возлагалась на колхозы. Рассчитывать на государственные доплаты рабочие станций могли только в том случае, если в сельхозартели выдача денег на трудодень была ниже гарантийного минимума [7, с. 236]. Сократились ассигнования на строительство в МТС. В 1954 г. в РСФСР на сооружение в них ремонтных мастерских, гаражей, жилых домов, общежитий, школ и других зданий был израсходован 1 млрд 710 млн руб., в 1955 г. – 1 млрд 336 млн, в 1956 г. – 1 млрд 305 млн, в 1957 г. – 557 млн руб.⁴ Эти факторы усиливали отток кадров механизаторов из МТС.

На XX съезде КПСС перед станциями была поставлена задача – за пятилетку снизить себестоимость тракторных работ на 16 % и значительно уменьшить затраты государства на центнер натуроплаты. В 1956 г. должен был начаться перевод МТС на хозрасчет [10, с. 565]. Реализация этих планов имела позитивные примеры. Так, в 1956 г. Александровской МТС Мошковского района Новосибирской области благодаря укрупнению тракторных бригад, использованию автопередвижных мастерских, круглогодичному ремонту техники и применению бригадного и индивидуального учета расходования средств удалось получить прибыль в 43 тыс. руб. (в 1955 г. имел место убыток в 150 тыс. руб.), понизить себестоимость гектара пахоты и центнера натуроплаты зерновых на 61 коп. и 2 руб. 69 коп. соответственно⁵. Но в целом использование экономических приемов повышения производительности МТС не стало повсеместной практикой. Более распространенным способом решения этой проблемы стало укрупнение МТС. Многие станции ликвидировались, а их ресурсы передавались на баланс совхозов, повсеместное создание которых становилось важным направлением аграрной политики. В 1956–1957 гг. число МТС в стране в целом сократилось на 10 %⁶.

Верховное руководство рассматривало и другие пути решения проблемы. В декабре 1955 г. в Президиум ЦК КПСС поступила записка начальника планово-финансового отдела Главного управления МТС Урала К.Д. Карпова, в которой обосновывалась целесообразность объединения фондов МТС с неделимыми и паевыми фондами колхозов, рабочих и служащих станций с колхозниками для создания хозрасчетных государственно-кооперативных сельхозпредприятий под названием соцхозы (социалистические хозяйства). Их организация позволяла сократить управленческий аппарат, устранить разногласия по производ-

ственным вопросам, ликвидировать неравенство в оплате труда между работниками МТС и колхозниками, создать у них стимулы к труду. Важно, что в рамках соцхозов можно было сохранить, приумножить и с большей отдачей использовать техническую и кадровую базу МТС⁷.

Теоретические аргументы для обоснования своего проекта К.Д. Карпов черпал из книги И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», в которой говорилось о необходимости соединения колхозной и государственной собственности в единый хозяйственный сектор под управлением общенародного органа с представительством от госпромышленности и колхозов. Ссылаясь он также на высказывания И.В. Сталина о том, что нельзя допускать как национализацию колхозов, так и передачу в их собственность МТС, поскольку «это значит вогнать в большие убытки и разорить колхозы, подорвать механизацию сельского хозяйства, снизить темпы колхозного производства» [13, с. 164, 219–221]. Соцхозы, с точки зрения К.Д. Карпова, являлись переходной формой между колхозами и совхозами.

В сельхозотделе ЦК КПСС по РСФСР, куда была перенаправлена записка, идею создания соцхозов назвали неприемлемой. По мнению сотрудников отдела, в образовании данных хозяйств нет необходимости, так как колхозы располагают большими внутренними резервами для самостоятельного развития, которые указаны в соответствующих решениях ЦК КПСС⁸. По всей видимости, накануне XX съезда КПСС принятие проектов реформ, базировавшихся на идеях И.В. Сталина, считалось политически неверным шагом. Скорее всего, курс на упразднение МТС и продажу их техники колхозам был уже определен Н.С. Хрущевым. Тем не менее Министерству сельского хозяйства РСФСР было указано на необходимость использования некоторых положений записки при разработке мероприятий на 1956 г.⁹

В 1956–1957 гг. были санкционированы поиски эффективных форм взаимодействия между МТС и колхозами. Апробировались и такие организационные приемы, как введение вместо двух руководителей – директора МТС и колхозного председателя – общего управляющего, одновременно ведавшего делами и колхоза, и станции. Например, в Новосибирской области в конце 1957 г. было объединено руководство Усть-Луковской МТС и колхоза им. Ленина, Мохнато-Луговской МТС и колхоза «Сибирь» Краснозерского района [14, с. 279]. Предпринимались также попытки соединения тракторных бригад МТС с полеводческими, животноводческими и комплексными подразделениями колхозов. В некоторых районах техника МТС передавалась колхозам в порядке аренды на сезон, имели место случаи ее продажи сельхозартелям. Все эти эксперименты, как правило, способствовали повышению производи-

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 164. Л. 1–3.

⁵ Сов. Сибирь. 1957. 14 мая.

⁶ Сельское хозяйство СССР : стат. сб. М., 1960. С. 75.

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 66. Л. 51–122.

⁸ Там же. Л. 125–126.

⁹ Там же.

тельности техники. Однако уже в феврале 1958 г. было принято решение о реорганизации станций.

Реорганизацию МТС 1958 г. можно считать ярким примером «реформ», которые нередко имели место в нашей истории и вследствие которых объективно проблемная структура вместо «лечения» необоснованно ликвидируется по субъективным обстоятельствам. Одна из «родовых болезней» аграрного строя сталинского социализма – противоречия между «двумя хозяевами» на одной земле – могла быть вылечена посредством создания совхозов. Отказ от этой идеи, по нашему мнению, был мотивирован политическими соображениями высшего руководства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). М., 1968. Т. 4.
2. Арутюнян Ю.В., Вылцан М.А. Историческая роль МТС и их реорганизация. М., 1958.
3. Тищенко В.А. Развитие форм производственно-технического обслуживания колхозов. Ростов н/Д, 1960.
4. Вылцан М.А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958 гг.). М., 1976.

5. Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001.

6. Наухацкий В.В., Денисов Ю.П. Аграрная политика и модернизация российской деревни второй половины XX века: противоречия и тенденции. Ростов н/Д, 2009.

7. Томилин В.Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М., 2009.

8. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). М., 1968. Т. 3.

9. Андреенков С.Н. Материальные стимулы в колхозах Сибири в 1953–1964 гг. // Исторический ежегодник. 2010. Новосибирск, 2010.

10. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.). М., 1958. Т. 4.

11. История советского крестьянства. М., 1988. Т. 4: Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945 – конец 50-х гг.

12. Законодательные и ведомственные акты по сельскому хозяйству. М., 1957. Т. 1.

13. Сталин И.В. Сочинения. М., 1997. Т. 16.

14. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985.

Статья поступила
в редакцию 22.06.2013

УДК 314.6(470.3)

О.В. ГОРБАЧЕВ

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ В 1940–1980-е гг.

д-р ист. наук,
Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург
e-mail: og_06@mail.ru

В статье рассматриваются изменения в составе и численности сельской семьи Центральной России в период наиболее сильных урбанизационных воздействий. Выявлена зависимость трансформации семьи от поселенческих особенностей территории, типа хозяйственной организации, а также от специфики проведения аграрных реформ. Обсуждаются экономическая роль семьи и перспективы семейного производства.

Ключевые слова: сельская семья, историческая демография, аграрные реформы, урбанизация, колхозы, сельское расселение, Нечерноземье.

Период 1940–1980-х гг. отмечен активными изменениями базовых характеристик сельского социума России. Речь идет прежде всего о сокращении количества сельских жителей под влиянием урбанизации и аграрной политики. Однако одновременно с миграционным оттоком в город меняются и существенные признаки, прежде отличавшие сельское население от городского. Этот процесс обычно называют урбанизацией села.

Семья как системообразующий элемент сельского общества, безусловно, попала под влияние урбаниза-

ции. Происходившие в ней изменения, в свою очередь, во многом преобразили прежний уклад деревенской жизни и предопределили формирование качественно иного облика сельского населения.

Центральное Нечерноземье оказалось практически в эпицентре этих изменений, поскольку изначально оно существовало в условиях достаточно плотного городского окружения. Под воздействием процесса урбанизации здесь постепенно снижалось значение традиционного крестьянского отходничества, предлагавшего временное проживание селян в городе; все